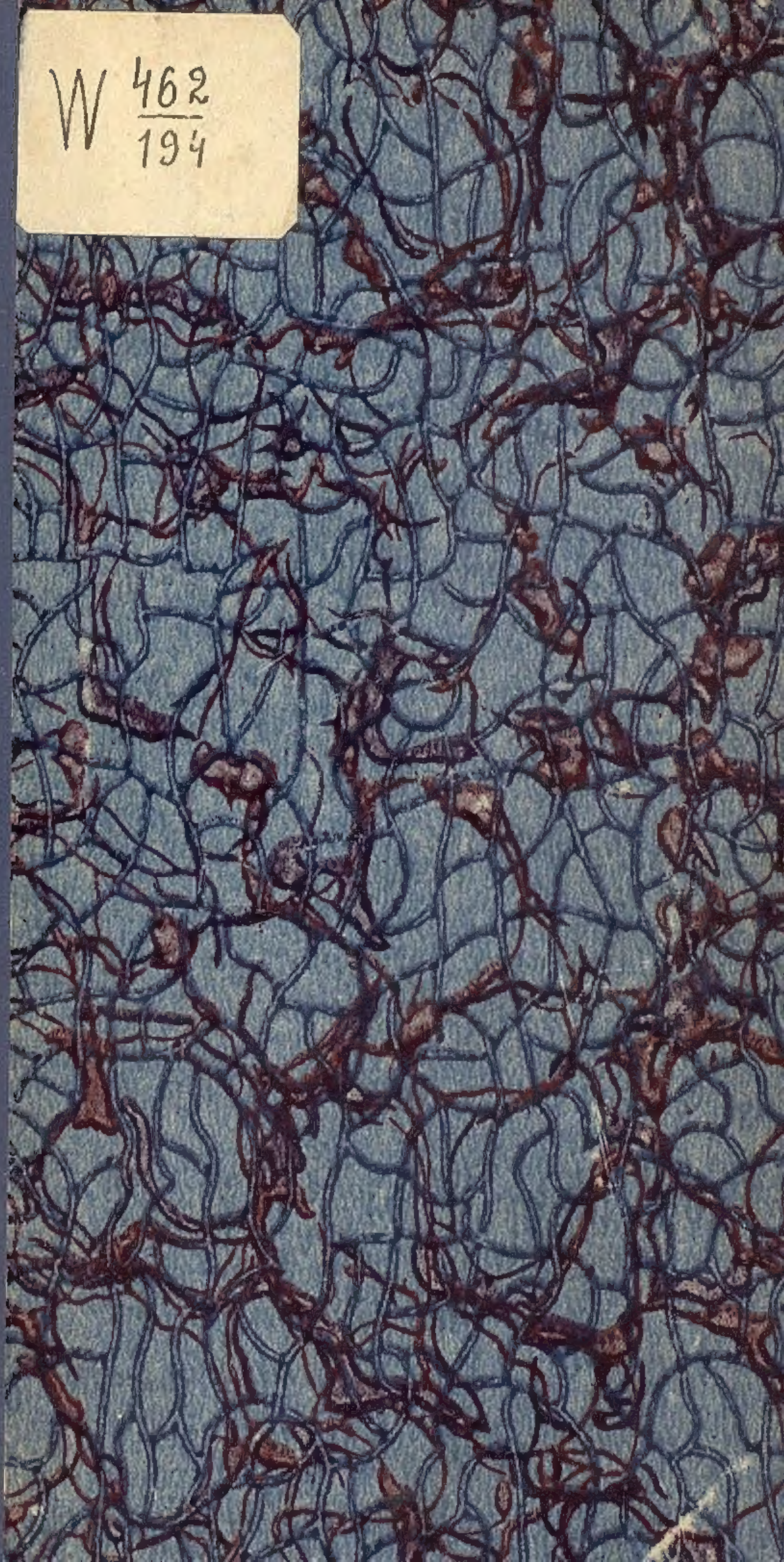

РѢЧЬ,

О СУЩНОСТИ, ВАЖНОСТИ И НАЗНАЧЕНІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ,

произнесенная

въ

Торжественномъ Собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета Э. О. Профессоромъ Политической Экономіи и Дипломатіи

Тихономъ Степановымъ.

30 Августа 1833 года.

ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи.
1833.

Съ дозволенія Совѣта Университета.

Почтеннѣйшіе Посѣтители!

Нынѣшній день ежегодно посвящается празднованію въ честь основанія благодѣтельнаго нашего заведенія, Университета. Торжественность сего воспоминанія наполняетъ наши души благоговѣйными чувствованіями. Вотъ уже истекло 27 лѣто, какъ Науки начали здѣсь изливать свой неугасаемый свѣтъ, какъ въ первый разъ загорѣлись здѣсь лучи просвѣщенія! — Благодареніе Тебѣ, безсмертный Александръ, Тебѣ, возжегшему сей свѣтъ; Ты тѣмъ самымъ какъ бы указалъ будущее назначеніе Россіи и отдаленнымъ Царствамъ Востока! Благодареніе Высокому Преемнику Его, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ, мудро ведущему насъ къ достиженію сего блистательнаго назначенія! — Благодареніе тѣмъ Особамъ, которыя неутомимою своею дѣятельностію, ревностнымъ своимъ усердіемъ, примѣрными пожертвованіями способствовали учрежденію Университета! Благодареніе высшему Начальству, покровительствовавшему и покровительствующему нынѣ особеннымъ своимъ вниманіемъ цвѣтущее его состояніе! Благодареніе отличнымъ Наставникамъ со-

грѣвавшимъ и согрѣвающимъ молодые умы воспитанниковъ благотворными лучами своихъ познаній, чтобы они приносили полезные плоды дражайшему нашему Отечеству! Благодареніе и Вамъ, П. П., удостоившимъ своего лестнаго присутствія настоящее торжество!

Слѣдуя примѣру предшественниковъ моихъ, посвящавшихъ памяти сего важнаго дня разборъ какого либо ученаго, достопримѣчательнаго предмета, я намѣренъ сдѣлать главное обозрѣніе преподаваемыхъ мною въ семъ Университетѣ Политическихъ Наукъ, и именно, намѣренъ говорить о сущности, важности и назначеніи оныхъ.

Что суть Политическія Науки? П. Н. излагаютъ намъ тѣ законы, по которымъ Государства живутъ и раскрываются въ своей жизни постепеннымъ совершенствованіемъ.— Міръ сотворенъ; земной шаръ, часть сего міра, пришелъ въ движеніе по необозримому пространству онаго, и, совершая годичнымъ своимъ обращеніемъ около центральнаго свѣтила милліоны верстъ, пораждаетъ и питаетъ изъ себя безчисленные роды твореній. Духъ и матерія, первоначальныя явленія Всетворящей Силы — Бога, суть два главныя основанія сущности земнаго шара, основанія всякаго наономъ бытія. Преобразуя матерію,

духъ постепенно развивался въ своемъ первоначальномъ восхожденіи, и въ самомъ высшемъ раскрытіи, онъ обнаружилъ себя свободою и разумомъ. Такъ — человѣкъ, какъ оконечное твореніе Всетворящей Силы, послѣднее проявленіе духа въ матеріи, по необходимости, есть существо свободное и разумное.

Человѣкъ началъ жить, и, распространяясь мало по малу населеніемъ, проявилъ изъ себя Общества и Государства. Симъ образомъ составились три лѣствицы нравственнаго бытія: нераздѣльные, общества и народы. — Назначены ли Природою постоянные, неизмѣняемые законы для сихъ трехъ родовъ нравственнаго бытія? я полагаю, что, если очевидно по извѣстнымъ законамъ совершаются всѣ явленія физическаго міра; то могутъ ли несуществовать оные для міра нравственнаго? Можетъ ли вообще находиться въ мірѣ что либо такое, что не жило бы жизнію Вѣчнаго? И можетъ ли жизнь Вѣчнаго являться гдѣ либо, въ чѣмъ либо внѣ законовъ? Земной шаръ составляетъ цѣлое единое; онъ имѣетъ свою опредѣлительную организацію; сія опредѣлительность заключаетъ въ себѣ тѣ необходимыя условія, подъ коими ему жить назначено Природою. Чѣмъ же сія жизнь земнаго шара обнаруживается? Съ одной стороны, онъ непосредственно поддерживаетъ, умно-

жаетъ изъ самаго себя всѣ многоразличные роды твореній; съ другой стороны онъ безпрерывно раскрываетъ, совершенствуетъ себя чрезъ человѣка, высшее свое твореніе. Человѣкъ, какъ явленіе, есть царь земли; какъ царь земли, онъ дѣйствуетъ и какъ бы управляетъ земнымъ шаромъ, обладая всемъ, что ни является внѣ и внутри его. Но, находясь самъ подъ законами жизни земнаго шара, онъ ограничивается разными условіями, изъ круга которыхъ никогда не можетъ выйти ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ прочимъ твореніямъ. Слѣдственно есть и не могутъ не быть постоянные, неизмѣняемые законы для трехъ родовъ нравственнаго бытія: для нераздѣльныхъ, для обществъ, для народовъ. Но прежде, нежели начнемъ изслѣдовать сіи законы, посмотримъ, что представляютъ намъ на опытѣ видимый міръ и Исторія, сія блюстительница фактовъ людей, обществъ и народовъ? — Что намъ представляется ими? Война между нераздѣльными, война между классами обществъ, война между народами, война всегда и вездѣ, словомъ: Исторія и видимый міръ открываютъ предъ нами всегдашнюю борьбу во всѣхъ трехъ родахъ нравственнаго бытія. — Вникнемъ въ сіи факты примѣчательнѣе. —

Едва первый человѣкъ воззванъ былъ къ существованію, едва раскрылось въ немъ начало жизни рода человѣческаго, какъ совершилось ужасное преступленіе, братоубійство. Послѣ такого явленія, чего уже можно было ожидать отъ людей, потомковъ перваго человѣка? Можно ли было думать, чтобы они сохранили между собою священныя чувства единокровія? — И дѣйствительно, чѣмъ болѣе умножалось, распространялось по земному шару народонаселеніе, чѣмъ болѣе съ онымъ вмѣстѣ увеличивались, развертывались общественныя связи; тѣмъ болѣе люди, раздѣляясь безчисленными соотношеніями, становились одни другимъ чуждыми. Различіе силъ, способностей, характеровъ, чувствованій, все вообще различіе, обозначающееся въ жизни физической и нравственной, проводило между людьми рѣзкія черты непріязни, вражды. — Еще нѣкоторая близость, сочувствіе первоначальнаго происхожденія сохранились въ кругу родственныхъ; но и тѣ, какъ скоро непосредственно дѣйствуютъ одни въ отношеніи къ другимъ, равно предаются неукротимымъ чувствамъ раздора. Много ли было такихъ родныхъ, которые бы, напр. при раздѣлѣ богатыхъ наслѣдствъ, руководствовались одною справедливостію безъ всякихъ видовъ корыстолюбія? Много ли братьевъ, ко-

торые съ полнымъ чувствомъ удовольствія смотрятъ на повышеніе къ достоинствамъ чести, или на приращеніе богатства своего брата? Много ли сестеръ, которыя съ искреннимъ радушіемъ встрѣчаютъ особенное счастіе своей единокровной? — Что же скажемъ мы о прочихъ людяхъ, несоединенныхъ въ гражданскомъ понятіи близкими связями? Когда между ними существовало общее, открытое желаніе взаимнаго счастія? Кто въ продолженіе своей жизни не былъ очевидцемъ безпрестанныхъ распрей, преступленій, злодѣяній? Кто не видалъ и не видитъ во кругъ себя въ безпрерывномъ движеніи тысячи страстей въ разныхъ видахъ, подъ разными изгибами? — Вездѣ кажется дѣйствующимъ одинъ эгоизмъ, всѣми, повидимому, управляетъ своекорыстное самолюбіе. Вотъ, почему мы часто, какъ бы потворствуя своей слабости, называемъ добрыми полузлыхъ, честными, у коихъ вся честность единственно состоитъ въ томъ, что они умѣютъ хитрыми расчетами, коварными сплѣтеніями прикрывать свои дѣйствія, клонящіяся во вредъ другимъ и въ пользу собственную? Сколько же отъявныхъ злодѣевъ наслаждаются и богатствомъ и почестями? И сколько самыхъ рѣдкихъ, благороднѣйшихъ людей, въ продолженіе цѣлой жизни, пьютъ чашу горестей? Окру-

женные со всѣхъ сторонъ людьми, которыхъ мы обязаны называть согражданами, соотечественниками, собратіями, можемъ ли мы однако остаться покойными въ томъ, чтобы не содѣлаться когда либо для всѣхъ чуждыми, не быть отъ всѣхъ забытыми, брошенными, такъ сказать, на произволъ судьбы, не служить предметами унизительнаго, наглаго презрѣнія другихъ? Обстоятельства, отношенія, наконецъ слѣпой случай, вотъ тѣ властелины, которымъ все, по видимому, въ свѣтѣ, отъ начала его, раболѣпствуетъ, покоряется. — Такой міръ ужасенъ! Гдѣ же, спросятъ насъ теперь, законы для нераздѣльныхъ? Гдѣ неизмѣняемые законы, которые бы направляли ихъ желанія, дѣйствія? — Смотря на міръ, нами изображенный, не должно ли заключить, что законы, которыхъ мы ищемъ, не существуютъ? —

Теперь взглянемъ мы на жизнь общественную. Отъ самаго начала учрежденія обществъ до нынѣшняго времени борьба безпрерывная владычествовала внутри оныхъ. Одинъ классъ старался оспаривать права и преимущества у другаго, одинъ классъ стремился основать свое возвышеніе на гибели прочихъ. Земледѣльцы объявляли непримиримую вражду фабрикантамъ и купцамъ; сіи послѣдніе, когда только могли, попирали пра-

ва земледѣльцевъ. Классы физическіе вооружались противу вліянія на нихъ классовъ нравственныхъ; классы нравственные равно умножали, усиливали свои гордыя притязанія противу правъ классовъ физическихъ. Взглянемъ на Исторію народовъ древнихъ, особенно Грековъ и Римлянъ, и спросимъ: какая эпоха въ оной можетъ гордиться совершеннымъ спокойствіемъ общественной жизни? Когда буря страстей не воздымала борьбы между классами оныхъ народовъ? Когда главныя стихіи жизни не возмущали политическаго ихъ организма? Бѣдные противу богатыхъ, рабы противу господъ, низшіе и средніе классы противу Аристократовъ, и взаимно, когда удерживались отъ своихъ требованій, часто буйныхъ? Сколько разъ междоусобныя войны были причиною пролитія источниковъ крови между согражданами? Сколько разъ соотечественники, забывъ всѣ свои священныя обязанности къ общей своей матери-Отечеству, разрушали пріобрѣтенія цѣлыхъ столѣтій, потрясали важнѣйшія основанія благоденствія онаго? — Что же открывается нашимъ взорамъ, послѣ эпохи паденія Римлянъ? Менѣе ли возмутительна была общественная жизнь Европейскихъ народовъ? Мирно ли среднія столѣтія погружались одно за другимъ въ вѣчность у каждаго народа намъ

обитаемой части свѣта? — Ужасно обращать свои взоры на сіи, такъ сказать, кровавыя времена. Власти духовныя спорили о своихъ правахъ со властями свѣтскими, и самыя свѣтскія были въ непримиримой взаимной борьбѣ между собою. Вассалы возставали противу своихъ Царей и въ тоже время увѣковѣчивали вражду свою одни къ другимъ: братство въ устахъ, мечь въ рукахъ — безпрестанно смѣнялись одно другимъ. — Ремесленники и купцы таились съ своими богатствами отъ корыстолюбія сильныхъ; земледѣльцы терпѣли угнѣтенія подъ игомъ тогдашняго своего состоянія: глубокое невѣжество покрывало всѣхъ и все. Но и тогда, когда истинная жизнь обществъ, какъ фениксъ изъ пепла, начала мало по малу возникать, когда всѣ ужасы фанатизма, какъ облака, какъ привидѣнія, исчезали предъ заревомъ просвѣщенія, когда феодализмъ, со всѣми исчадіями междоусобія, постепенно сокрушался подъ могущественною рукою самодержавія, когда трудъ, дѣятельность кипѣли, такъ сказать, внутри жизни политическаго организма народовъ, когда вездѣ, во всемъ, казалось, воцарились порядокъ, устроеніе цѣлаго, — и тогда, говорю, водворилось ли искреннее согласіе между согражданами, между классами однихъ и тѣхъ же обществъ? Прекратились ли кровавыя позо-

рища среди оныхъ? — Нимало. Новыя времена равно представляютъ намъ внутреннія несогласія, раздоры обществъ, хотя подъ другими, болѣе или менѣе измѣненными формами; новая жизнь общественная возродила новыя притязанія классовъ и вмѣстѣ породила новые мятежи. И такъ, спросятъ насъ, какіе находятся законы для общественной жизни? Гдѣ тѣ вѣчные уставы, по которымъ должны совершаться многочисленныя, безпрерывныя движенія политическихъ организмовъ?

Перейдемъ наконецъ къ жизни отдѣльныхъ между собою народовъ, посмотримъ здѣсь еще на ту картину, которая представляется всеобщею ихъ Исторіею. При первомъ взглядѣ на оную, не приходятъ ли образованный умъ, облагороженное сердце въ содроганіе? Какой народъ и когда жилъ въ вѣчномъ мирѣ съ другими народами? Съ самаго ихъ младенчества, поле кровопролитія не было ли для нихъ полемъ отличій, полемъ героическихъ дѣйствій? — Поколѣнія вооружались противу поколѣній; орды пылали ненавистію противу ордъ; вражда народная переживала цѣлыя столѣтія, отцы возвѣщали сыновьямъ своимъ, дѣды своимъ внукамъ побѣды надъ непріятелями, и брали съ нихъ торжественныя клятвы на будущія войны. Довольно только взглянуть на вновь открытыя земли въ отдален-

ныхъ частяхъ Свѣта, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, какими были древніе народы въ младенчествующій вѣкъ Азіи, Африки, Европы! — Но когда мало по малу составились общества, когда образовался, развился политическій бытъ оныхъ; тогда войны уже приняли новый видъ, новое направленіе: Царства возстали на Царства, — явились завоеватели, и каждый возраждавшійся народъ поглощалъ въ себѣ другіе, уже отцвѣтавшіе. Одна Исторія Рима, кажется, достаточна для убѣжденія въ томъ, что достояніе человѣчества едва ли не есть достояніе однихъ самоистребленій? — Римъ, сей страшный, могущественнѣйшій колоссъ земнаго шара, чѣмъ достигъ блистательной степени своего величія, если не гибелію другихъ народовъ? Онъ росъ, укрѣплялся, усиливался — подавляя извѣстныя тогда Царства. Наконецъ Римъ палъ, возникли новые народы, возникли вмѣстѣ и новыя войны, или, лучше сказать, войны, никогда между ними не прерывавшіяся, приняли новое только движеніе. Сіи войны разлились самымъ ужаснымъ кровавымъ потокомъ въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ столѣтій. Всѣ чувства человѣчества, по видимому, тогда были заглушены; казалось, что народы увлекаемые какою-то непонятною враждебною силою, стремились истребить съ лица

земли одни других. — Какую ужасную картину человѣческихъ страстей представляетъ намъ покореніе Америки? Какими горестными и мрачными мыслями поражаетъ нашу душу продажа несчастныхъ жертвъ Африки, Негровъ? Какое перо въ состояніи изобразить всѣ безчисленныя бѣдствія, порожденныя долговременными войнами за различіе вѣроисповѣданія, за химеры честолюбія сильныхъ Государей? Всѣ стихіи политическаго организма народовъ выступали иногда на междоусобную борьбу, и въ сей борьбѣ ихъ, подобно какъ видимъ между частными людьми, между классами обществъ, торжествовали, по большей части, хитрость, лукавство, подлость, являвшіяся въ разныхъ личинахъ подъ именемъ политики! — И такъ, спросятъ насъ: гдѣ находятся законы для жизни народовъ? Гдѣ тѣ законы, по которымъ Природа опредѣлила имъ дѣйствовать между собою? Факты показываютъ, что сіи законы не существуютъ. — Страшно мыслить о мыслящемъ существѣ! — Впрочемъ одинъ ли нравственный міръ, обнимающій всѣ роды жизни человѣчества, представляетъ намъ безпрерывныя волненія? — Не тоже ли самое мы замѣчаемъ и въ цѣломъ организмѣ всего земнаго шара? Неравно ли мы видимъ открытую борьбу между міромъ физическимъ и міромъ нрав-

ственнымъ?—Когда не возставали стихіи перваго противу пріобрѣтеній, достояній другаго? Когда и гдѣ не страдали люди и народы отъ убійственнаго вліянія климата, отъ грозныхъ потрясеній внутренностей земли, отъ сильныхъ порывовъ гибельнаго воздуха, отъ разъяренныхъ волнъ морей и отъ тысячи другихъ физическихъ бѣдствій? Былъ ли земной шаръ покоенъ хотя въ одну эпоху своей жизни? И такъ, гдѣ законы для цѣлаго міра? Гдѣ законы для его бытія физическаго и нравственнаго? —

Вотъ какая картина изображается предъ нами Всеобщею Исторіею человѣчества! — Безъ сомнѣнія, на все сіе можемъ отвѣчать, что если бы въ самомъ дѣлѣ не были поставлены для міра Природою какіе либо законы; то какимъ образомъ могъ бы оный и существовать? Какъ до сего времени, не смотря на тысячи совершавшихся переворотовъ, онъ не могъ совершенно разрушиться?—Что поддерживаетъ бытіе онаго?— Равно отвѣчаемъ, что если бы не было законовъ для жизни народовъ, обществъ и нераздѣльныхъ: то какимъ образомъ самыя Царства не могли доселѣ исчезнуть съ лица земли? — Что мѣшаетъ народамъ взаимно себя истребить? Что поставляетъ границы недоброжелательству классовъ гражданскихъ обществъ? Что наконецъ умѣряетъ сильныя

страсти, безчисленные пороки нераздѣльныхъ? — Но опять иные могутъ спросить насъ: какіе же это законы, которые допускаютъ изображенные нами ужасы въ физическомъ и нравственномъ мірѣ? Что за законы, которые поддерживаютъ всеобщую жизнь того и другаго міра безпрерывными бѣдственными пораженіями? Что за законы, скажутъ, по которымъ одни существа не иначе могутъ созидать свое благосостояніе, какъ на гибели другихъ? И на сіе отвѣчаемъ, что если мы не можемъ не вѣрить и по внутреннему своему чувству и по убѣжденію своего разума, что Провидѣніе всегда было, есть и будетъ благимъ, всемогущимъ, святымъ; то можетъ ли быть, чтобы Оно, творя міръ, не избрало самаго лучшаго? Можетъ ли быть, чтобы Оно безусловно, само отъ себя, назначило бѣдствія для человѣчества? — Слѣдственно, если Ему угодно было сотворить насъ такими, какими мы себя видимъ; то не должно ли быть наше состояніе самымъ лучшимъ, самымъ благодѣтельнымъ? — Такъ въ семъ нельзя не быть увѣреннымъ! Откуда же, спросятъ наконецъ, проистекаетъ зло? Если законы Природы не могутъ быть причиною всего того, что доселѣ ни представляютъ намъ злосчастные факты, то гдѣ заключается настоящій источникъ сего? —

Не въ собственныхъ ли нашихъ заблужденіяхъ? — Углубимся въ сей предметъ и откроемъ самые законы. —

Мы говорили выше, что человѣкъ, какъ окончательное явленіе Всетворящей Силы — Бога, получилъ свободу и разумъ, — но, какъ явленіе, онъ не могъ произойти въ свѣтъ съ предварительнымъ познаніемъ всего того, что равно обнаружилось въ явленіи. Также мы замѣтили выше, что міръ, слѣдственно и всѣ творенія, находящіяся въ ономъ, не могли быть произведены, не получивъ внутри и внѣ себя нѣкоторыхъ ограниченій, — и сіи-то ограниченія или условія, въ которыхъ заключается все сотворенное, составляютъ собственно изслѣдываемые нами законы. По сему человѣкъ необходимо долженъ былъ познавать сіи условія, сіи законы, и потомъ, сообразно своему познанію, онъ долженъ былъ дѣйствовать на самый міръ. Всѣ прочія животныя въ своихъ, если можно сказать, желаніяхъ и движеніяхъ руководствуются даннымъ имъ отъ Природы инстинктомъ; человѣкъ же, кромѣ способности познавательной, получилъ отъ Природы неизмѣняемыя чувства: добра, истины и изящнаго. — И такъ, если бы человѣкъ, напутствуемый сими благодѣтельными чувствами, всегда вѣрно, неуклонно слѣдилъ своимъ познавательнымъ у-

момъ безусловные и условные законы, и, познавъ оные во всей точности, приводилъ ихъ въ исполненіе; то какимъ образомъ могло бы произойти зло со всѣми бѣдственными своими порожденіями? Дѣйствуя физическими и нравственными силами на природу вѣрно и правильно, какъ люди могли бы обманываться въ своихъ желаніяхъ, не разгадывать настоящей цѣли своихъ поступковъ, истиннаго своего назначенія индивидуальнаго, общественнаго и народнаго? — Поелику же человѣкъ во всѣхъ родахъ своей жизни подвергался безпрестаннымъ ошибкамъ, заблужденіямъ; — или, увлекаясь страстями, не слѣдовалъ внутреннему голосу, напоминавшему о его священныхъ обязанностяхъ, или, безъ благоразумнаго усилія познавательной способности, принимался за обсуживаніе разныхъ отношеній вещей и опредѣленіе истинной точки своихъ дѣйствій; то отсюда уже и проистекали тѣ многочисленныя бѣдствія, которыя сопровождали и сопровождаютъ бѣдное человѣчество. Я оставляю здѣсь разсматривать зло физическаго міра; это составляетъ собственно важнѣйшій предметъ умозрительной Философіи. Замѣчу только здѣсь то, что зло физическое бываетъ или слѣдствіемъ условной жизни нашего земнаго шара; — въ семъ случаѣ оно не есть въ строгомъ смыслѣ зло — или

слѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій нравственнаго міра, дѣйствій, вызывающихъ, такъ сказать, физическіе ужасы; — въ семъ случаѣ виноватъ человѣкъ, а не Природа. Оставляю также здѣсь подвергать изслѣдованію зло человѣка, какъ нераздѣльнаго. Сей предметъ равно относится къ Наукѣ, Нравственной Философіи. Моя главная цѣль разсмотрѣть законы міра общественнаго и міра народнаго и изслѣдовать жизнь Наукъ Политическихъ.—

Человѣкъ рожденъ для общества; люди въ первоначальныя времена своей жизни мало по малу составили разныя поколѣнія; сіи поколѣнія, опять по особеннымъ отношеніямъ, отдѣляясь между собою, положили основаніе бытію разныхъ народовъ. Въ то время, когда поколѣнія во внутреннемъ своемъ быту постепенно раскрывались, вмѣстѣ развивалось самое Правительство, образовывались особенные классы, замѣчаемые нами въ обществахъ, — и чѣмъ болѣе какое либо Государство успѣло усовершенствоваться, тѣмъ развитіе онаго было многосложнѣе, обширнѣе, тѣмъ классы въономъ составлялись многочисленнѣе. Государство, какъ и всякое вообще общество, состоитъ изъ нераздѣльныхъ. — Нераздѣльные живутъ жизнію физическою и нравственною. По сему и общества должны были проявляться въ двоякомъ родѣ жизни, т. е.

жизни физической и жизни нравственной. Къ первому роду жизни принадлежитъ собственно нами понимаемое богатство; ко второму роду жизни относится вообще образованность. Изъ сего видно, что каждое общество должно было дѣйствовать на міръ, представлявшійся оному, съ двухъ сторонъ, т. е. со стороны физическихъ силъ и со стороны силъ нравственныхъ. Такъ, усвояя себѣ низшую природу, общество тѣмъ самымъ обнаруживало и поддерживало свою жизнь, нѣкоторымъ образомъ поддерживало жизнь низшей природы и наконецъ жизнь земнаго шара. Но люди, какъ мы замѣтили выше, могли ошибаться въ своихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ, они могли не узнавать законовъ Природы или удаляться отъ точнаго исполненія оныхъ; по сему общества, сообразно симъ уклоненіямъ, должны были испытывать различныя гибельныя слѣдствія. — Спросятъ: какимъ же образомъ общества могли раскрываться, совершенствоваться въ политическомъ бытіи, безъ настоящаго познанія законовъ? Вопросъ сей легко рѣшить можно, какъ скоро мы обратимъ взоръ свой на жизнь частныхъ организмовъ человѣка. Каждый ли человѣкъ правильно понимаетъ свою физическую природу? Имѣетъ ли онъ вѣрное свѣдѣніе о томъ, какую и въ какомъ случаѣ онъ долженъ упо-

требитъ напр. пищу, чего онъ долженъ остерегаться въ отношеніи вліянія стихій на его организмъ? Словомъ: постигаетъ ли онъ въ точности законы своего физическаго организма, по которымъ онъ существуетъ, живетъ? — Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Какимъ же образомъ нераздѣльные, не смотря на такое невѣдѣніе, среди тысячи разнообразныхъ дѣйствующихъ на нихъ явленій, продолжаютъ свое бытіе? — Не ясно ли видно, что это зависитъ отъ собственной, сохраняемой Природою, жизни организма? Природа сама собою щадитъ, сберегаетъ жизнь, бытіе каждаго человѣка. Однако, если онъ совершенно идетъ вопреки святому, неизмѣняемому назначенію ея, если онъ уже попираетъ своими поступками ея законы; то организмъ его или испытываетъ долговременное, сильное бореніе съ болѣзнями, или подвергается преждевременному разрушенію. Сіи-то болѣзни, безпрерывныя измѣненія нашего организма, и руководствовали человѣка къ познанію самыхъ законовъ. Тоже происходило и съ обществами. Общества первоначально раскрывались сами по себѣ, какъ бы безъ сознанія нераздѣльныхъ, составлявшихъ оныя. Дѣйствіе всеобщей жизни человѣчества, или жизни всего земнаго шара, нечувствительно связывало людей цѣпію взаимныхъ между собою условій.

По явное нарушеніе законовъ Природы въ обществахъ было всегда сопровождаемо соразмѣрными тому наказаніями, и сіи-то наказанія заставляли нераздѣльныхъ — граждань съ большимъ вниманіемъ и усиліемъ углубляться въ постиженіе законовъ общественныхъ. Впрочемъ нерѣдко, какъ показываетъ опытъ, общества разрушались подъ тяжестію своихъ ошибокъ, заблужденій. Какъ погибель одного человѣка всегда служила урокомъ для другаго; такъ гибель одного общества научала предосторожности другое. — Не смотря на сіе сходство жизни организмовъ частныхъ людей и обществъ, не трудно замѣтить, по чему Науки, заключающія въ себѣ познаніе законовъ для жизни первыхъ, раскрылись ранѣе, нежели Науки, показывающія законы жизни вторыхъ. —

Обращая взоръ свой на Исторію, мы усматриваемъ, что древніе народы вообще ограничивались слабыми, недостаточными понятіями о Наукахъ Политическихъ. Греки и Римляне имѣли многихъ ученыхъ мужей, прославившихся по разнымъ отраслямъ Наукъ; но сіи ученые едва постигали жизнь Политическихъ обществъ. Здѣсь нужнымъ почитаю прибавить, что поелику общества имѣютъ двоякую жизнь: то и законы для оныхъ подлежатъ изслѣдованію двухъ Наукъ;

это суть Политическая Экономія и Политика. Первая открываетъ законы жизни физической Государствъ, т. е. законы богатства, а вторая показываетъ законы жизни нравственной оныхъ, или образованности вообще. — Причина слабаго раскрытія Политическихъ Наукъ въ древнія времена была та, что тогда народы были совершенно чуждыми одни другимъ; одно Государство не имѣло достаточныхъ свѣдѣній о другомъ; каждый народъ старался сосредоточивать жизнь свою единственно въ себѣ самомъ и чертилъ планы для оной по своему произволу. Слѣдственно, какимъ образомъ тогда можно было постигнуть элементы, такъ сказать, политическихъ организмовъ, разгадать процессы жизни оныхъ? Но человѣчество продолжало существовать; земной шаръ жизнію своею сохранялъ жизнь какъ нераздѣльныхъ, такъ и обществъ. Среди величайшихъ, грозныхъ переворотовъ, происходившихъ въ сихъ послѣднихъ, Политическая жизнь болѣе и болѣе раскрывалась, даже тогда, когда казалось, что міръ клонился къ совершенному своему разрушенію. Я говорю о первыхъ эпохахъ среднихъ временъ, эпохахъ глубокаго невѣжества, суевѣрій, варварства. Обозрѣвая сіи эпохи, невольно разобщаешся съ пріятною, утѣшительною мыслію общаго совершенст-

вованія, хотя оно не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ибо, проникая глубже въ разгадываніе жизни общественной, не видимъ ли мы, что древніе народы уже не могли болѣе продолжать прежнее свое существованіе? Они уже совершенно между собою раздѣлились. Слѣдственно новые народы должны были начать новую жизнь, принять другое, болѣе сообразное съ законами Природы, направленіе, т. е. жизнь и направленіе ко взаимному своему сближенію. Что же послужило такому важному преобразованію могущественною, непоколебимою подпорою? Это Религія Христіанская. Все въ древнемъ нравственномъ мірѣ воззывало къ проявленію оной, жизнь человѣчества въ самой высшей степени нуждалась въ Божественной руководительницѣ, и Религія Христіанская, явившись, приняла въ область свою Европейскіе народы. За симъ слѣдуетъ благодѣтельное раздѣленіе Европы на многія особенныя общества, и болѣе или менѣе сохранившееся между оными сходство въ нравахъ, обычаяхъ, законахъ и т. п. — Такимъ-то образомъ скоро пришли въ движеніе элементы жизни общественной; процессы оной вступили въ сильное, внутреннее броженіе; физическія и нравственныя силы воззваны были къ высшему, предназначенному раскрытію. Народы лучше начали присматриваться ко взаимнымъ сво-

имъ дѣйствіямъ, лучше начали замѣчать перемѣны, происходившія отъ разнообразнаго своего направленія. Такъ—мало по малу возникли и Политическія Науки! —

Первая Наука возродившаяся была Политическая Экономія, и первая система, въ оной раскрывшаяся, была система Меркантильная. Всѣ познанія начинаются отъ чувственности. По сему Наука, Политическая Экономія, почерпнула свое бытіе изъ того же источника. Почитать золото и серебро за единственное богатство народовъ, а внѣшнюю торговлю и съ оною, съ одной стороны запрещеніе или ограниченіе ввоза иностранныхъ товаровъ, съ другой поощреніе вывоза своихъ собственныхъ произведеній — почитать за необходимое средство наиболѣе добывать оныхъ металловъ, — вотъ основаніе Меркантильной системы! Скоро открылась новая система, совершенно противуположная оной, система Физіократовъ или Экономистовъ. Сколько первая система была чувственная, практическая, столько вторая система была отвлеченная, теоретическая. Земледѣліе заключаетъ въ себѣ единственный источникъ богатства; чистый доходъ, получаемый отъ земли владѣльцами, сверхъ платы за трудъ и прибыли отъ капитала, составляетъ собственно даръ благодѣтельной природы, ко-

торый служитъ основаніемъ существованія и раскрытія всѣхъ прочихъ отраслей народной дѣятельности,— вотъ коренное положеніе системы Экономистовъ! Система Меркантильная особенно развилась въ началѣ новыхъ временъ Исторіи; система же Экономистовъ, основанная Кенеемъ, появилась въ половинѣ 18 столѣтія. Первая система преимущественно извлекала свои мнѣнія изъ того, что золото и серебро были вездѣ главнымъ и общимъ средствомъ мѣны произведеній; металлы сіи всегда находились въ оборотѣ; всѣ произведенія можно было получать посредствомъ оныхъ. И такъ не естественно ли такіе опыты могли породить странную и смѣшную мысль, будто одни только сіи металлы и составляютъ богатство? Народы болѣе заботились не о томъ, что дѣйствительно было для нихъ нужно, но посредствомъ чего могли пріобрѣтать для себя все нужное; — хотя въ строгомъ смыслѣ и сего нельзя сказать; ибо иногда произведенія получаются безъ всякаго денежнаго оборота, одною непосредственною мѣною. Утвержденію Меркантильной системы способствовало и то, что, во время сближенія народовъ между собою, нѣкоторые изъ нихъ, заключаясь въ предѣлахъ небольшаго пространства земли, успѣли посредствомъ внѣшней торговли до-

стигнуть высокой степени обогащенія; въ ихъ руки безпрерывно лились золото и серебро; этотъ фактъ, слѣдствіе разныхъ физико-нравственныхъ обстоятельствъ, могъ съ одной стороны усилить мысль, что только въ сихъ металлахъ заключается богатство, съ другой стороны, что внѣшняя торговля есть единственный проводникъ къ оному. Но такая система, явно противуборствующая успѣхамъ совершенствованія гражданскаго, могла ли существовать долгое время? Къ несчастію, люди рѣдко умѣютъ держаться благодѣтельной средины; освободясь изъ одной гибельной крайности, почти всегда ввергаются въ другую, неменѣе опасную; отъ того-то послѣ системы Меркантильной родилась система Физіократовъ. Тамъ всѣ отрасли народной дѣятельности зависѣли отъ одной торговли; здѣсь напротивъ онѣ подчинены земледѣльческой промышлености: тамъ богатство народовъ покупается бѣдностію другихъ; здѣсь же преимущественно все зависитъ отъ своей исключительной дѣятельности. Какъ бы то ни было, только умы не остановились на сихъ противуположныхъ мнѣніяхъ; начались новыя изслѣдованія, изысканія; стали съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ дѣйствія жизни политическаго

организма каждаго народа, и произошли видоизмѣненія прежнихъ системъ.

Наконецъ на горизонтѣ Политической Экономіи взошло истинное Свѣтило оной, это система Адама Смита. Трудъ составляетъ главный источникъ богатства, — вотъ краеугольный камень, который былъ положенъ Адамомъ Смитомъ въ основаніи своей знаменитой системы! Системы Меркантильная и Физіократовъ, какъ системы односторонія, были ниспровергнуты симъ величайшимъ мужемъ. Адамъ Смитъ, можно сказать, создалъ Науку, Политическую Экономію изъ разнородныхъ частей, бывшихъ до него разбросанными. Послѣ него уже сія Наука быстро устремилась къ своему совершенствованію; великіе мужи попеременно слѣдовали одинъ за другимъ, и, повѣряя мнѣнія своего великаго мыслителя — основателя, иныя изъ оныхъ совсѣмъ отвергали, другія же напротивъ исправляли или поясняли. —

Все сіе относится къ Писателямъ. Что же касается до самыхъ народовъ, то они еще слишкомъ далеки отъ усвоенія тѣхъ мнѣній, которыя уже приняты, раскрыты въ области Политической Экономіи, какъ Науки, — и иначе не могло быть. Ибо Политическая Экономія, не смотря на необыкновенные свои успѣхи, есть Наука въ полномъ

смыслѣ новая. Не болѣе 100 лѣтъ прошло, какъ она воздвигла свое царство, — слѣдственно какъ народы могли вдругъ ознакомиться, со всѣми высшими идеями, порожденіемъ глубокаго размышленія и обширнѣйшихъ соображеній? Не тоже ли самое мы замѣчаемъ и въ области другихъ Наукъ? — Если трудно и часто невозможно бываетъ убѣдить простые умы, управляемые чистымъ эмпиризмомъ, что богатство состоитъ не въ однихъ только дорогихъ металлахъ, а вообще во всѣхъ произведеніяхъ природы и труда; то равно чѣмъ можно увѣрить грубыхъ невѣждъ, что не солнце движится около земли, а земля около солнца? Надобно, чтобы они прежде познакомились съ понятіями о законахъ жизни планетъ, чтобы потомъ могли сами составить правильное, ясное понятіе о движеніи земли.

Медицина еще очевиднѣе представляетъ намъ подобный примѣръ въ своихъ опытахъ. Сколько предразсудковъ, нелѣпыхъ, вредныхъ мнѣній разсѣяны между низшимъ классомъ народа относительно болѣзней и способовъ излѣченія оныхъ, — и притомъ они имѣютъ такую власть надъ слабыми умами невѣждъ, что никакіе совѣты, никакія убѣжденія не сильны бываютъ отклонить ихъ отъ рабскаго, механическаго наблюденія оныхъ. Менѣе ли

отъ сего самаго важна Медицина, какъ Наука? — Все, сказанное относительно Медицины, можетъ быть принаровлено къ Политической Экономіи. — Впрочемъ невсегда наблюденія людей, незнакомыхъ съ Наукою, бываютъ ложны; напротивъ нерѣдко у нихъ подъ личиною странностей сокрываются важнѣйшія истины, — и ученые умы, не разгадавъ сей наружной обманчивости, рѣшительно почитая мнѣнія непросвѣщенныхъ людей за предразсудки, сами чрезъ то впадали въ крайность и заблужденія. — Люди грубые равно почерпали свои мнѣнія изъ наблюденія фактовъ, — и, не видя въ надлежащей ясности всѣхъ соотношеній, связующихъ вещи, при всемъ томъ удачно иногда дѣлали заключенія о феноменахъ по разнымъ признакамъ и другимъ многочисленнымъ соображеніямъ. Не та же ли самая дорога наблюденій предлежитъ и ученымъ? только они изслѣдываютъ ее съ большимъ вниманіемъ, благоразуміемъ, съ большею осторожностію. И такъ если могутъ заблуждать умы необразованные; то равно могутъ подвергаться ошибкамъ и образованные. Изъ сего явствуютъ слѣдующія важнѣйшія истины: 1) что Политическая Экономія, какъ Наука, въ точномъ своемъ значеніи, не есть исключительное произведеніе частныхъ умовъ людей, но раскрылась она

изъ жизни человѣчества, и съ раскрытіемъ сей послѣдней должна достигать своего высшаго совершенствованія; 2) что невсегда можно имѣть безусловное довѣріе ко мнѣніямъ Писателей, особенно, когда мнѣнія сіи еще не совсѣмъ обсужены, рѣшены въ области Наукъ, а по сему и приведеніе оныхъ въ дѣйство требуетъ большей осмотрительности; 3) что невсегда должно пренебрегать бездоказательными замѣчаніями простыхъ людей, — можетъ случиться, что наблюденія ихъ относительно фактовъ, будучи предоставлены времени, обнаружатся во всей своей ясности, — хотя 4) съ другой стороны опыты часто показывали, какъ гипотезы великихъ умовъ, по видимому, дерзскіе, странные, противурѣчившіе вѣковымъ мнѣніямъ эмпириковъ, оправдывались — спустя нѣсколько столѣтій! —Вообще, послику открытіе каждой истины важно въ жизни людей и народовъ; то нельзя не желать, чтобы какъ Писатели были внимательны и снисходительны къ народнымъ мнѣніямъ и заблужденіямъ, такъ равно чтобы народы дорожили изысканіями, открытіями Писателей. Одно только взаимное согласіе Теоретиковъ и Эмпириковъ можетъ способствовать скорому и правильному развитію Науки, и въ тоже время можетъ предохранить судьбу людей и народовъ отъ не-

благопріятныхъ, внезапныхъ перемѣнъ. Въ особенности Писатели должны одушевляться безкорыстною, безпредѣльною любовію къ человѣчеству, имѣть единственною своею цѣлію спокойствіе и благоденствіе онаго.

Разсматривая нынѣшнее состояніе Науки, Политической Экономіи, мы должны признаться, что она еще далека отъ полнаго своего развитія. Хотя многіе пункты оной совершенно рѣшены и не оставляютъ никакихъ слѣдовъ сомнѣнія объ истинѣ; за то основательное рѣшеніе другихъ требуетъ времени, новыхъ фактовъ, новыхъ усилій ума. Напр. кто будетъ сомнѣваться теперь, разумѣя по крайней мѣрѣ классъ образованныхъ людей, что богатство состоитъ вообще въ изобиліи всѣхъ матеріальныхъ вещей необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ; что природа, трудъ и капиталъ служатъ первыми источниками богатства, хотя подъ различнымъ назначеніемъ; что промышлености всѣ равно производительны, и т. п.? Но Писатели еще не согласились въ своихъ мнѣніяхъ, можно ли допустить неограниченную свободу въ торговлѣ, по какимъ законамъ распространяется народонаселеніе въ сферѣ человѣчества, какое отношеніе имѣетъ къ оному богатство и обратно, также, какое отношеніе находится между произведеніемъ

и потребленіемъ богатства? Всѣ сіи и многіе другіе вопросы остаются важными задачами для будущихъ успѣховъ Науки. Къ чести нашего вѣка можно сказать только то, что новѣйшіе Писатели весьма счастливо подвинули впередъ Политическую Экономію и притомъ въ короткое время. Сими успѣхами народы обязаны преимущественно Англіи и Франціи, но уже и Германскіе ученые тщательно занялись дальнѣйшимъ развитіемъ оной Науки. Настоящій вѣкъ какъ бы силится вознаградить слабость, бездѣятельность, тупость среднихъ временъ. —

Нынѣ въ просвѣщенныхъ Государствахъ обращено величайшее вниманіе на Статистику, Науку, заключающую въ себѣ драгоцѣнные факты политической жизни Государствъ. Писатели изобрѣтаютъ всѣ способы къ раскрытію многочисленныхъ ея отраслей, то соединеніемъ, то раздробленіемъ своихъ трудовъ. Не можно изобразить, какія благодѣтельныя слѣдствія для Наукъ Политическихъ могутъ произойти отъ такихъ чрезвычайныхъ усилій. Тогда-то, безъ сомнѣнія, Политическая Экономія займетъ всю свою необозримую область, между тѣмъ, какъ настоящая ея сфера кажется самою тѣсною. Писатели теперь большею частію ограничиваются изложеніемъ однихъ коренныхъ зако-

новъ физической жизни Государствъ; они стараются, согласивъ свои противуположныя мнѣнія, подвести оныя подъ немногія неизмѣнныя, твердыя начала. По совершеніемъ сего труда не окончатся успѣхи Политической Экономіи; напротивъ она займется въ послѣдствіи постиженіемъ всѣхъ частныхъ, особенныхъ законовъ, прослѣдитъ въ соображеніи всѣ важнѣйшія исключенія, которымъ подвергаются общіе законы. Нерѣдко Писателей Политической Экономіи обвиняютъ за мнѣнія совсѣмъ несправедливо, именно, потому только, что безусловное исполненіе оныхъ мнѣній на самомъ дѣлѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ оказывало неблагопріятныя слѣдствія. Въ строгомъ смыслѣ, можно ли приписывать сіе Писателямъ? Такъ, если бы какое либо Государство, находя, согласно мнѣніямъ нѣкоторыхъ Писателей, вредною для народнаго богатства строгую запретительную систему, вдругъ разрѣшило ввозъ иностранныхъ товаровъ по всѣмъ отраслямъ промышлености; то конечно бѣдственный переломъ для такого Государства былъ бы неизбѣжнымъ; ибо многіе капиталисты, по необходимости, понесли бы величайшіе убытки, или и со всѣмъ могли бы разориться. Но на кого пала бы вина такого несчастія? Безъ сомнѣнія, на самое Государство, которое,

приводя въ исполненіе открытыя, доказанныя истины, никакъ не должно упускать изъ виду всѣхъ обстоятельствъ, всѣхъ исключеній, требующихъ внимательнаго соображенія, какимъ образомъ общія правила должны быть примѣнены къ опыту! — Въ семъ состоитъ самая важная и трудная обязанность Правителей! Писатели излагаютъ истины въ теоріи, Правители же исполняютъ оныя на опытѣ. — Какъ бы то ни было, только нельзя сомнѣваться, что всѣ части Политической Экономіи, содержащія въ себѣ нынѣ немногія значительныя истины, въ послѣдствіи составятъ особенныя отдѣленія сей Науки. Представимъ только однѣ главныя отрасли промышлености, какъ то, земледѣльческую, мануфактурную и торговую. — Сколько новыхъ, частныхъ законовъ можетъ быть открыто въ отношеніи къ производительности оныхъ? Въ нынѣшнемъ состояніи народы занимаются сими промышленостями болѣе механически, по одному движенію, направленію общихъ силъ Государствъ. — Тоже самое можно замѣтить относительно трехъ источниковъ раздѣленія богатства, какъ то, относительно дохода отъ земли, прибыли отъ капитала, платы за трудъ. Сіи важные предметы со временемъ займутъ цѣлые томы изслѣдованій, разсужденій. Если же мы обратимъ

вниманіе наше на издержки, необходимыя для удовлетворенія тысячи потребностей Государственныхъ, и на способы нынѣшняго собиранія податей; то можно сказать рѣшительно, что многія десятилѣтія потребны для полнаго изслѣдованія сихъ труднѣйшихъ предметовъ Науки Финансовъ. Писатели, подъ именемъ Политической Экономіи, разумѣютъ собственно Науку, занимающуюся открытіемъ законовъ народнаго богатства. Слово: богатство, не вполнѣ обозначаетъ обширность и важность оной, какъ Науки. По сей-то причинѣ я рѣшился лучше опредѣлить Политическую Экономію Наукою, показывающею законы физической жизни Государствъ. Съ сей точки мы разсматриваемъ какъ бы половинную сторону всего того, что ни относится къ Государству, такъ, что только симъ опредѣленіемъ Политическая Экономія дѣйствительно можетъ заключена быть въ настоящихъ своихъ границахъ. — Такимъ образомъ нельзя не быть увѣреннымъ, что при большемъ раскрытіи оной взойдетъ въ ея сферу многое такое, что теперь почитается или недостойнымъ вниманія Писателей, или на что они смотрятъ, какъ на посторонній предметъ Науки. Уже въ новѣйшія времена изслѣдованія о народонаселеніи проникли въ область Политической Экономіи. Самъ

Адамъ Смитъ мало распространялся объ ономъ въ своемъ сочиненіи, хотя сей предметъ входитъ еще въ область другой важнѣйшей Науки, — это есть, въ тѣсномъ смыслѣ понимаемая, Политика!

Писатели весьма часто смѣшивали сію Науку съ Политическою Экономіею, утверждая, что послѣдняя имѣетъ своею цѣлію раскрывать законы всего политическаго организма, но такое понятіе чрезвычайно сбивчиво. Ибо мы выше показали, что какъ жизнь частныхъ людей физическая и нравственная, каждая имѣетъ свои особенные законы, излагаемые равно особенными Науками, такъ и для двоякой жизни политическаго организма, которая есть не что иное, какъ совокупленная жизнь нераздѣльныхъ, должны быть два рода отдѣльныхъ законовъ, и слѣдовательно двѣ Науки. Сравнивая оныя между собою, нельзя не примѣтить, что вторая Наука, т. е. Политика труднѣе и важнѣе Политической Экономіи. Если же въ новѣйшія времена ученые умы преимущественно обратились къ послѣдней, и польза оной содѣлалась ощутительною въ дѣйствіи самыхъ Правительствъ; то сіе должно приписать только тому, что Политическая Экономія ближе къ нашему соображенію и обнимаетъ необходимыя наши потребности; безъ богатства очевидно ника-

кое Государство не можетъ существовать; но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и народы равно для своего благосостоянія почувствуютъ нужду въ знаніи Политики. Для убѣжденія въ семъ, стоитъ только разсмотрѣть главные ея предметы, какъ Науки. — Такъ — религія, правленіе, законовѣденіе, просвѣщеніе, достоянія всѣхъ сословій, нравственность, словомъ: всѣ части умственной жизни обществъ заключаются въ ея познавательной области. Опредѣлить, какими законами и правилами должны руководствоваться Государства въ отношеніи ко всѣмъ симъ предметамъ, — вотъ дѣло, предлежащее Политикѣ! — Весьма немногіе пункты оной до сего времени рѣшены основательно, — такъ напр. въ разсужденіи вѣроисповѣданія терпимость, въ разсужденіи законовѣденія уничтоженіе пытокъ и т. п., въ разсужденіи къ сословіямъ обществъ извѣстная соразмѣрность въ правахъ ихъ и т. д. Всѣ сіи истины неоспоримы; но онѣ болѣе или менѣе смѣшаны, не развиты каждая въ своей области. Другія же важнѣйшія изслѣдованія Политики или не точно обозначены, или едва просвѣчиваютъ въ обширнѣйшей ея сферѣ! — Имѣютъ ли основательное понятіе народы о Монархизмѣ, Аристократизмѣ и Демократизмѣ? — Или, если просвѣщеніе полезно для Государствъ, то ка-

кіе предѣлы должны быть назначены постепенному, свободному распространенію онаго? Какія мы знаемъ правила для руководства относительно нравовъ, обычаевъ и. т. п.? Впрочемъ главный обзоръ связи и дѣйствія предметовъ Политики совершенно различествуетъ отъ исключительнаго обсуживанія оныхъ, — напр. къ Политикѣ, нами здѣсь понимаемой, не относится разборъ, какое должно быть самое вѣроисповѣданіе въ Государствѣ, какіе обряды онаго, или разборъ того, какое должно быть судопроизводство, какіе законы гражданскіе и уголовные въ частности? — Все равно, какъ въ сферу Политической Экономіи ни мало не входитъ изслѣдованіе частныхъ предметовъ физической жизни, напр. какимъ образомъ производится торговля, какъ обработываются мануфактурныя издѣлія, или какъ добываются произведенія земли? Сіи предметы принадлежатъ къ частнымъ наукамъ, Коммерціи, Сельскому домоводству, Технологіи. Дѣло Политической Экономіи, равно какъ и Политики состоитъ въ томъ, чтобы разгадать основныя стихіи двойственной народной жизни и открыть общіе для нихъ законы. — Сіи однако двѣ Науки имѣютъ между собою самую тѣсную связь и оказываютъ одна на другую полезное или вредное вліяніе. По сей-то причинѣ въ Поли-

тической Экономіи иногда касаются предметовъ Политики, а въ Политикѣ упоминаютъ о предметахъ, составляющихъ собственно область Политической Экономіи; напр. въ Политической Экономіи говорится о производительности нравственныхъ классовъ, хотя сіи классы разсматриваются исключительно въ Политикѣ. Съ другой стороны можно ли не упоминать въ Политикѣ о священныхъ правахъ собственности, хотя сіи права служатъ основаніемъ зданія Политической Экономіи? — Вообще богатство и образованность должны итти, сколько можно, путемъ равномѣрнымъ къ своему совершенствованію; одно способствуетъ раскрытію другаго. Въ прежнія времена, когда Политическія Науки еще не были извлечены изъ хаоса фактовъ, народы совсѣмъ не понимали сей важной истины; теперь же она сдѣлалась для всѣхъ свѣтлою, несомнѣнною. Ибо какое благодѣтельное направленіе можно дать нравственнымъ классамъ, какъ то, ученымъ, духовнымъ, гражданскимъ, военнымъ, безъ богатства? Равно не подвигая впередъ сихъ классовъ, можно ли открыть Государству вѣрную, надежную дорогу къ обогащенію? — Я не говорю здѣсь о трудности, которую часто встрѣчаютъ Государства въ усовершенствованіи разныхъ отраслей управленія по причинѣ злоупотре-

бленій. — Въ сихъ обстоятельствахъ потребны мѣры благоразумія и осторожности. Политическій организмъ, какъ и частный организмъ нераздѣльныхъ, можетъ подвергаться болѣзнямъ, и слѣдственно какъ тотъ, такъ и другой должны быть лѣчимы постепенно.—

Наконецъ Политическая Экономія и Политика, двѣ сіи Науки, то соединяющіяся, то раздѣляющіяся, сосредоточиваютъ свои дѣйствія въ третей Наукѣ, — это есть Дипломатія. Дипломатія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе законовъ физической и нравственной жизни народовъ во взаимномъ ихъ отношеніи; она должна показать правила, которымъ народы обязаны слѣдовать, безпрерывно дѣйствуя одни на другихъ. Сія высокая Наука требуетъ еще чрезвычайныхъ усилій ума и совершенія многихъ фактовъ, для полнаго раскрытія. По сему нельзя не признаться, что сочиненія извѣстныхъ нынѣшнихъ Писателей — Дипломатовъ, какъ то, Марténса, Клюбера, Шмальца и другихъ, весьма недостаточны для достиженія сей цѣли. — (*) Въ самомъ дѣлѣ, какія начала ими изложены положительно? Можетъ ли Наука, какъ

(*) Французскіе Писатели въ недавнія времена начали разсматривать съ высшей точки предметы Дипломатіи.

Наука, состоитъ въ одномъ простомъ указаніи фактовъ, какъ обыкновенно поступали и поступаютъ народы между собою, какіе трактаты или какіе обычаи состоялись между ними во взаимныхъ дѣйствіяхъ? Ибо чѣмъ можно повѣрить, что таковыя введенія были согласны съ законами Природы, разума, и что по сему они должны быть обязательными для всѣхъ народовъ и навсегда? Подъ именемъ Дипломатіи я разумѣю вообще условное народное право. (**) Писатели обыкновенно относятъ оное только къ одной Европѣ и разсматриваютъ въ семъ отношеніи положительное народное право Европы. Съ мнѣніемъ ихъ нельзя согласиться, ибо условное право, какъ право, должно существовать для всѣхъ народовъ. Писатели слишкомъ погрѣшаютъ, почитая сію Науку произвольною; все, что ни излагается

(**) Я называю Дипломатію условнымъ правомъ, если мы отдѣлимъ оную отъ собственно Естественнаго Народнаго Права. Въ семъ случаѣ Политика и Политическая Экономія также будутъ составлять условныя Науки, Естественное же Право будетъ обнимать безусловную Науку, излагающую начала и правила чисто безусловныя, служащія основаніемъ раскрытія жизни обществъ и народовъ.

въ оной, по мнѣнію ихъ, утверждается на одномъ чистомъ произволѣ, согласіи извѣстныхъ народовъ, такъ, что не можно полагать на вѣрное, чтобы введенія обычныя, уважаемыя народами въ настоящее время, не были оставлены внѣ употребленія въ послѣдствіи. — На чѣмъ они основываютъ свои предположенія? — На томъ, что самая Исторія подтверждаетъ дѣйствительность оныхъ, открывая намъ, какъ часто трактаты и обычаи измѣнялись и даже совсѣмъ были уничтожаемы въ продолженіе столѣтій? Сіе мнѣніе неосновательно. Ибо сколько уже находится правилъ, принятыхъ общимъ согласіемъ народовъ Европы, и наблюдаемыхъ съ такою святостію, что и думать не можно о будущемъ измѣненіи оныхъ? Если же мы находимъ еще многія начала не столь твердыми; то сіе происходитъ единственно отъ недостатка изложенія, раскрытія оныхъ. Напр. можемъ ли мы предполагать, чтобы когда либо Государства Европейскія запретили свободный входъ въ свои земли иностранцамъ? Не должно ли скорѣе надѣяться того, что сіе право, теперь во многихъ отношеніяхъ стѣсненное, со временемъ болѣе утвердится, и мало по малу будетъ принято въ одинаковой силѣ всѣми Государствами земнаго шара. Равно можетъ ли быть, чтобы Послы, пред-

ставляющіе священную Особу своихъ Государей, когда либо въ Европѣ потеряли усвояемыя нынѣ имъ особенныя преимущества? Напротивъ, не должно ли совершиться введеніе сихъ послѣднихъ даже между народами другихъ частей свѣта? Но какъ народы должны поступать между собою относительно иностранныхъ Государственныхъ и другихъ преступниковъ, и какимъ они должны слѣдовать правиламъ политики во время внутреннихъ своихъ переворотовъ и т. д., безспорное рѣшеніе подобныхъ пунктовъ Дипломатіи требуетъ высшаго раскрытія народныхъ связей и Науки. Конечно въ разсужденіи самыхъ простыхъ обычаевъ, церемоній нельзя думать, чтобы они съ утонченіемъ и благороживаніемъ вкуса не измѣнялись безпрерывно, какъ то мы видимъ и въ отдѣльныхъ обществахъ; однако и здѣсь чистаго произвола въ строгомъ смыслѣ признать нельзя, ибо всякое введеніе имѣетъ свое основаніе въ природѣ человѣка, обществъ, въ свойствѣ вещей. И такъ важность изложенія Дипломатіи состоитъ не въ томъ, чтобы показать, какъ народы могутъ поступать и поступаютъ одни въ отношеніи къ другимъ, но въ томъ, какъ они должны неуклонно дѣйствовать, сообразно своему назначенію, цѣли своей, взаимной своей пользѣ, — иначе, они неизбѣжно бу-

дуть подвергаться бѣдственнымъ переворотамъ. Самая непріязненность, доселѣ волнующая народы, откуда проистекаетъ, какъ не изъ сего источника? — Но мы выше сказали, что общества живутъ, совершенствуются, не смотря на то, что поступаютъ часто вопреки законамъ Природы; такъ равно живетъ и развивается все человѣчество, заключающее въ себѣ совокупность народовъ. Это есть непремѣнное слѣдствіе постепенно раскрывающейся жизни земнаго шара. Общества обнаруживаются въ двоякомъ родѣ жизни, жизни физической и нравственной. Одинаковый организмъ находится и въ человѣчествѣ, — и какъ легче было постигнуть организмъ нераздѣльныхъ, нежели организмъ цѣлыхъ обществъ; такъ удобнѣе и скорѣе можно было познакомиться съ законами организма политическаго, нежели съ законами организма всѣхъ народовъ, или всего человѣчества. Вотъ по чему Дипломатія находится еще въ младенческомъ состояніи! Нельзя изобразить, въ какой степени Наука сія необходима для благосостоянія людей и народовъ! — Политическая Экономія беретъ на себя обязанность обезпечивать благосостояніе физическое Государствъ въ отдѣльности; Политика имѣетъ цѣлію своею охранять нравственное благоденствіе оныхъ, а Дипломатія должна имѣть

въ своемъ виду то и другое во взаимномъ отношенiи между собою народовъ. Осмѣливаюсь думать, что для полнаго и совершеннаго развитiя всѣхъ сихъ Политическихъ Наукъ болѣе или менѣе, смотря по ихъ важности и трудности, потребны цѣлыя столѣтiя. — Какой же тогда феноменъ представитъ изъ себя человѣчество? — Для разгаданiя сего, надобно сообразить всѣ эпохи прежнихъ протекшихъ временъ и сравнить оныя между собою и съ настоящею нашею эпохою. Такъ — могли ли древнiе составить себѣ ясное понятiе о томъ, что произойдетъ съ участiю людей и народовъ чрезъ два тысящелѣтiя? Могли ли тогда думать они, чтобы Европа достигнула нѣкогда такой блистательной степени обогащенiя и образованности, на какой представляетъ ее настоящее время? По сему, когда человѣчество разовьется во всѣхъ своихъ физическихъ и нравственныхъ силахъ, когда Науки, нами означенныя, совершенствуясь вмѣстѣ съ онымъ, раскроются въ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ; тогда и мiръ будущiй не будетъ походить на мiръ настоящiй! — Не смѣя обозначить всѣ предметы жизни обществъ и народовъ, которые послѣдуютъ своему будущему совершенствованiю, я однако укажу хотя на нѣкоторые главные изъ оныхъ. —

Въ Политической Экономіи взаимное отношеніе между богатствомъ и народонаселеніемъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, доселѣ не разрѣшенныхъ Писателями. Они угрожаютъ своими мнѣніями человѣчеству въ будущемъ. По ихъ эмпирической теоріи слѣдуетъ думать, что въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій земной шаръ долженъ, такъ сказать, нагрузиться народонаселеніемъ, и чрезъ то долженъ притти не въ состояніе доставлять необходимаго количества потребляемыхъ произведеній; народонаселеніе будетъ несоразмѣрно питательности земли; богатство сей послѣдней будетъ недостаточнымъ для поддержанія огромнаго бремени, состоящаго изъ существъ свободно-разумныхъ. Каждый человѣкъ есть царь земли; но для царя земля не будетъ уже служить; онъ долженъ остаться на жертву голоду. Таковы мысли многихъ новѣйшихъ Писателей! Я рѣшительно отвергаю оныя, какъ мысли нелѣпыя, и вѣрю въ противное. Не входя здѣсь въ подробное философское изслѣдованіе сего вопроса, я только сдѣлаю общее замѣчаніе. 1 с Извѣстны ли намъ всѣ тѣ земли, которыя предоставлены Природою человѣку въ обладаніе для его пропитанія? Англія, въ которой проявился основатель означенной системы народонаселенія — Мальтусъ, составля-

етъ малѣйшій уголокъ земли. Не странно ли дѣлать отъ оной заключеніе ко всему земному шару? 2е. Измѣрена ли умомъ человѣческимъ будущая возможность плодородія всѣхъ земель нашей планеты? 3е. Разгадано ли безошибочно, какими улучшеніями и какими новыми способами производимости должно будетъ ограничиться обработываніе сихъ земель, и равно какія потребляемыя произведенія непремѣнно должны остаться присвоенными только нѣкоторымъ климатамъ? Не ясно ли опытъ показываетъ намъ противное? Не видимъ ли мы, какъ климаты постепенно вездѣ, измѣняясь, улучшаются; какъ безпрестанно одни произведенія, необходимыя для жизни, замѣняются употребленіемъ другихъ; какъ изобрѣтательный умъ человѣка успѣваетъ побѣждать самыя непреодолимыя, по видимому, трудности низшей природы? Если же мы замѣчаемъ, что люди во всѣ эпохи своей жизни погибали тысячами среди бѣдствій физическихъ и нравственныхъ; то съ другой стороны богатства, поддерживающія жизнь людей, не гибли ли гораздо въ большей пропорціи? Я увѣренъ, что пройдутъ столѣтія, и Писатели, мнѣніями которыхъ, къ несчастію, сильно увлеченъ былъ нынѣшній вѣкъ, будутъ производить въ образованномъ потомствѣ удивленіе и сожалѣніе сколь-

ко рѣзкими, столько несправедливыми своими мыслями о силахъ природы. По ихъ заключеніямъ, люди и народы рано или поздо принуждены были бы истреблять одни другихъ, покушаться на ужасныя преступленія и злодѣянія, — но такія понятія о будущемъ явно противурѣчатъ предполагаемому нами нравственному совершенствованію. Думать же, что физическія бѣдствія въ злосчастную эпоху народонаселенія, такъ сказать, выступятъ изъ всѣхъ своихъ предѣловъ на пораженіе онаго, и ужасно и безразсудно; ибо самые факты намъ показываютъ, что, не смотря на подобныя явленія совершавшіяся и совершающіяся, физическая однако природа вообще становится болѣе мирною; она какъ бы старается щадить жизнь и благоденствіе человѣчества, болѣе и болѣе распространяющагося по лицу земнаго шара. — Наконецъ, если мы вѣримъ мудрости, всемогуществу и благости Провидѣнія; то какъ можемъ думать, чтобы Оно въ самомъ основаніи жизни земнаго шара положило зародышъ всѣхъ бѣдствій для человѣчества? чтобы низшія силы природы, по безусловному распоряженію Онаго, не соотвѣтствовали назначенію, раскрытію силъ высшихъ? — И такъ останемся совершенно покойными въ семъ отношеніи, будемъ увѣренными, что богатство къ наро-

донаселенію и народонаселеніе къ богатству, по законамъ Вѣчнаго, должны находиться въ совершенной соразмѣрности, — и какъ то, такъ и другое найдутъ въ Наукѣ, Политической Экономіи, свою примирительницу. —

Другой вопросъ, ожидающій своего рѣшенія въ будущемъ, есть неограниченная свобода торговли. При слабомъ вниманіи на состояніе Государствъ, нельзя не видѣть, сколько останавливаются, замедляются успѣхи торговли Государствъ земнаго шара отъ введенія въ оныхъ запретительной системы, — безпрерывныя перемѣны относительно разрѣшенія и запрещенія ввоза и вывоза товаровъ видимо нарушаютъ весь порядокъ, постепенное развитіе многочисленныхъ отраслей промышлености. Конечно, рѣшительное всеобщее уничтоженіе сей системы въ новѣйшія времена могло бы произвести такое зло, которое трудно было бы поправить цѣлыми будущими столѣтіями; выгоды однихъ капиталистовъ едва ли могли бы вознаградить безчисленныя потери другихъ. При всемъ томъ истина остается несомнѣнною, что рано или поздо неограниченная свобода торговли восторжествуетъ надъ народными предразсудками, смѣшнымъ, жалкимъ страхомъ эмпириковъ! Ибо только подъ симъ условіемъ всѣ земли обитаемой нами планеты могутъ

вполнѣ раскрыться въ своихъ силахъ, и изобрѣтательность, лелѣемая физическою природою, достигнетъ своего высшаго предназначенія; по сему богатство, избытокъ во всемъ, только при существованіи свободы торговли, могутъ содѣлаться удѣломъ всѣхъ народовъ и всѣхъ состояній каждаго народа.— Впрочемъ, чего не можетъ сдѣлать сама по себѣ Политическая Экономія, въ томъ руку помощи подастъ ей Политика. —

Такъ и сія Наука, во время полнаго своего развитія, представитъ любопытнѣйшую и столько же драгоцѣнную картину усовершенствованія нравственной жизни политическихъ организмовъ! Изъ главнѣйшихъ предметовъ оной будетъ просвѣщеніе, которое въ сію блистательную эпоху должно разлиться во всѣхъ сословіяхъ у всѣхъ народовъ. Нельзя безъ чувства сожалѣнія видѣть, какъ много еще находится народовъ, погруженныхъ въ глубокое невѣжество! И даже — есть ли хотя одно Государство на земномъ шарѣ, которое бы могло гордиться совершеннымъ народнымъ образованіемъ? Потребны столѣтія, чтобы Англія и Франція, нынѣшнія просвѣщенныя Государства, могли достигнуть сей высокой степени народнаго назначенія. Конечно этого нельзя и ожидать, чтобы всѣ люди когда либо въ одинаковой

степени наслаждались плодами образованія; по крайней мѣрѣ, просвѣщеніе не будетъ казаться исключительною принадлежностію только нѣкоторыхъ сословій. Просвѣщеніе есть свѣтъ нравственный; что бы люди и народы могли съ успѣхомъ достигать цѣли своего благосостоянія, надобно, чтобы они, сколько можно, болѣе пользовались симъ свѣтомъ. Тоже должно замѣтить относительно самыхъ достояній, усвояемыхъ всѣмъ сословіямъ общесmвъ. Политика нѣкогда укажетъ, какія достоянія собственно принадлежатъ каждому званію, и, безъ сомнѣнія, никакое изъ сихъ послѣднихъ не подвергнется униженію; ибо всякой трудъ, всякое занятіе, служащія для общественной пользы, заслуживаютъ уваженіе по мѣрѣ своего на оную вліянія. Классы нравственные: ученый, военный, гражданскій, духовный, и классы физическіе: земледѣльческій, мануфактурный, торговый, всѣ равно познакомятся съ свѣтлою истиною, что всѣ они, составляя одно общество, образуютъ одно тѣло, котораго каждая часть необходима для бытія и благосостоянія другой. Такимъ образомъ недоброжелательство, корень многочисленныхъ гражданскихъ бѣдствій, должно исчезнуть вездѣ. Осмѣливаюсь думать, что самыя преступленія будутъ составлять тогда рѣдкое явленіе въ нравственно-поли-

шическомъ мірѣ. Ибо кто, согрѣтый пламенемъ благородныхъ чувствованій, не знаетъ, что оныя бываютъ болѣе несчастнымъ слѣдствіемъ испорченности самыхъ обществъ, такъ, что мы пришли бы въ величайшее затрудненіе — опредѣлить со всею точностію, кого, по справедливости, должно почитать истинною причиною золъ, совершающихся предъ нашими глазами? Мы нерѣдко обвиняемъ въ оныхъ того, кто, можетъ быть, имѣетъ полное право обвинять насъ самихъ. Мысль сколько несправедливая, столько и жестокая, будто преступленія и бѣдность назначаются по непремѣннымъ законамъ Природы въ удѣлъ какой либо части людей; все это является уже въ мірѣ дѣйствующемъ; слѣдственно все это и есть порожденіе его дѣйствій. Возвышенная Политика откроетъ обществамъ способы, какъ уничтожать, смягчать преступленія, и въ тоже время облагороживать человѣчество! Чтобы пріобрѣсти хотя малое понятіе о предполагаемомъ здѣсь состояніи гражданскихъ обществъ, надобно только взглянуть на разныя мудрыя, благодѣтельныя мѣры относительно сихъ предметовъ, нынѣ предпринимаемыя и безпрерывно улучшаемыя нѣкоторыми Государствами земнаго шара. Они истощаютъ всѣ средства, всѣ усилія къ облегченію человѣчества, страж-

дущаго подъ игомъ бѣдности и преступленій. Такъ — въ блистательную эпоху раскрытія Политики, Правительства утвердятся на прочномъ, непоколебимомъ основаніи; они получатъ принадлежащую имъ силу, важность и благодѣтельное дѣйствіе на политическій организмъ, въ которомъ они служатъ центромъ жизни. Подданные же, содѣлавшись покорными, миролюбивыми, со всѣмъ радушіемъ будутъ содѣйствовать общими силами исполненію благоразумныхъ намѣреній, предпринимаемыхъ Верховною Властію; они тогда разлучатся съ нелѣпою мыслію, будто Правительства живутъ единственно для себя, а не для общей пользы, будто не одна и та жизнь, разлитая по Государству, сохраняетъ взаимное бытіе и счастіе Государей и подданныхъ. Равнымъ образомъ всѣ отдѣльныя части политическаго организма, подъ руководствомъ Политики, примутъ истинное свое направленіе, сообразное съ законами Творца природы. —

Но прежде, нежели исполнится предполагаемое нами совершенствованіе нравственно-политическаго міра, должны болѣе и болѣе восходить успѣхи и важнѣйшей Науки — Дипломатіи. Сею-то Наукою уже должны увѣнчаться вѣковые подвиги человѣчества! Ибо въ ней, какъ нами замѣчено выше, заключает-

ся послѣдняя степень величія и достоинства онаго. Такъ — когда народы, живя жизнію общею, разовьются въ своихъ безусловныхъ и условныхъ соотношеніяхъ, тогда они какъ бы сольются въ одинъ народъ. Войны, сіи ужасные бичи благосостоянія ихъ, должны истребиться съ лица земли; онѣ суть порожденіе эгоизма и невѣжества; слѣдственно онѣ не будутъ терпимы въ эпоху высокаго просвѣщенія. При томъ онѣ и сами по себѣ содѣлаются невозможными. Уже нынѣ Европа въ полной мѣрѣ чувствуетъ всю тяжесть, всѣ бѣдственныя слѣдствія оныхъ; при совершенномъ же раскрытіи богатства и народонаселенія, каждое непріязненное дѣйствіе, не говоря уже о кровопролитныхъ войнахъ, должно нести за собою ужасы разрушенія не въ одномъ народѣ, но болѣе или менѣе между всѣми народами. Страшась за себя, каждое Государство будетъ страшиться за другихъ. Конечно, прочія части свѣта еще раждаютъ въ насъ нѣкоторый страхъ, относительно своего будущаго состоянія; но и для нихъ примѣръ Европы можетъ служить благодѣтельнымъ путеводителемъ. Испытанныя ею безчисленныя бѣдствія научатъ другія части свѣта мудрой осторожности. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что такъ называемое Политическое Равновѣсіе, теперь играющее столь

важную роль въ Политикѣ Европейскихъ Государствъ, со временемъ потеряетъ свой вѣсъ. Что есть Политическое Равновѣсіе? — Это есть взаимное охраненіе своихъ правъ между народами. Слабые и сильные соединяются одни съ другими, чтобы общими усиліями противустоять народу могущественному, честолюбивому, которой, какъ морской потокъ, выходя изъ береговъ своихъ, стремится къ истребленію всѣхъ преградъ, защищающихъ народную безопасность. Мѣсто Политическаго Равновѣсія, столь непостояннаго, подверженнаго безпрерывнымъ измѣненіямъ отъ измѣненія политическихъ обстоятельствъ Государствъ, займутъ общее доброжелательство, общее желаніе содѣйствовать общему благу народовъ. — Тогда-то въ полной мѣрѣ совершатся благороднѣйшія желанія одного изъ наилучшихъ, добродѣтельныхъ Монарховъ, Генриха IV, осуществятся, доселѣ почитаемыя грезами, думы великихъ Философовъ— Политиковъ, видѣть когда либо водворенными миръ, тишину между всѣми народами! Не учредится ли тогда и самая magna civitas Волфа, или не составится ли изъ всѣхъ народовъ земнаго шара одна Республика? — Дѣйствительно; но сіе народное общество обозначаетъ только собою извѣстное сліяніе народовъ. Одинаковая вѣра, то есть, Хри-

стіанская, одинаковое повсемѣстное уваженіе Верховной Монархической Власти, одинаковое усвоеніе народами законовъ Природы въ законодательствѣ и прочихъ отрасляхъ внутренняго и внѣшняго управленія, извѣстное единообразіе въ обычаяхъ, нравахъ и проч. все сіе составитъ нѣкоторымъ образомъ изъ народовъ одно цѣлое, одно общество, которое однако будетъ отличаться въ своихъ многочисленныхъ частяхъ разными условными отношеніями, приличными каждому особенному Государству. Такимъ образомъ, человѣколюбіе, Патріотизмъ, Космополитизмъ мало по малу сольются въ общую любовь къ Человѣчеству! — Какая величественная и вмѣстѣ утѣшительная картина въ будущемъ! —

Впрочемъ не должно забывать, что все, сказанное доселѣ въ отношеніи къ будущему, все то составляетъ еще однѣ идеи. Сіи идеи какъ искры, блистали въ самыя отдаленныя времена въ умахъ великихъ, благодѣтельныхъ геніевъ; онѣ какъ бы обозначали собою путь, по коему неуклонно должны были шествовать люди и народы. (*) Даже бурныя эпохи

(*) Сіе-то показываетъ, по чему въ жизни великихъ людей всегда заключается нѣчто особенное, — мы примѣчаемъ въ оной явные слѣды Прови-

варварства, невѣжества, эгоизма, помрачавшія политическій горизонтъ Государствъ, не могли истребить стремленія въ оныхъ къ постепенному сихъ идей осуществленію. Но если народы боролись съ величайшими бѣдствіями тогда, когда слишкомъ отдалялись отъ своего назначенія, освящаемаго внутреннимъ свѣтильникомъ ума; то съ другой стороны горе было и тѣмъ народамъ, которые вопреки всѣхъ условій, противуборствуя законамъ физической и нравственной природы, хотѣли совершеніемъ безразсудныхъ своихъ намѣреній опередить цѣлыя столѣтія, назначеніе позднѣйшихъ временъ ускорить приведеніемъ въ дѣйство своихъ мечтаній! Законъ постепенности есть священный, неизмѣнный законъ условной жизни всего существующаго! — Народы, составляющіе въ общей своей неразрывной связи одно человѣчество, имѣютъ, подобно частнымъ людямъ, свои возрасты. Они должны пережить свой вѣкъ младенчества, вѣкъ возмужалости и вѣкъ старости. Не спорю, что нельзя еще рѣшительно опредѣлить сіи возрасты и разграничить

дѣнія. Это происходитъ отъ того, что въ великихъ людяхъ сосредоточивается въ большей степени всеобщая жизнь человѣчества. Но люди всѣ одинаково люди! —

всѣ главнѣйшія эпохи оныхъ; по крайней мѣрѣ, полагать можно, что если только доступно нашему уму высокое постиженіе жизни человѣчества, то право разгадывать ее принадлежитъ собственно Политическимъ Наукамъ, ибо изслѣдованіе законовъ Природы, совершаемое чрезъ наблюденіе фактовъ, представляемыхъ Исторіею народовъ, нѣкоторымъ образомъ можетъ служить способомъ къ измѣренію самыхъ возрастовъ ихъ жизни, слѣдственно самой жизни земнаго шара.

При семъ могутъ нѣкоторые спросить, что если все, изложенное выше, составляетъ однѣ идеи; то не могутъ ли сіи идеи навсегда остаться идеями? Люди не всегда ли были и будутъ людьми? Можно ли предполагать, чтобы они, въ какую либо эпоху своей жизни, разобщились со слабостями, заблужденіями, пороками? Вопросъ сей весьма важенъ. Такъ, дѣйствительно, — люди всегда должны быть людьми. Однако 1е опытъ показываетъ, что народы, не смотря на безпрерывныя свои уклоненія отъ законовъ Природы, при всемъ томъ болѣе и болѣе подвигаются къ совершенствованію. Въ такомъ ли видѣ было человѣчество, спустя тому тысячи лѣтъ и даже одно столѣтіе, въ какомъ видѣ оно представляется намъ нынѣ? Сравнимъ только народы въ разныя эпохи ихъ жизни по

богатству, просвѣщенію и облагороживанію чувствованій, и мы увидимъ чрезвычайное различіе между оными. 2 е. Мы также замѣчаемъ, что съ возрастомъ народовъ раскрываются постепенно Науки, а съ раскрытіемъ Наукъ совершенствуются самые народы. Какъ же намъ не быть увѣренными, что рано или поздо Науки непремѣнно должны достигнуть предназначеннаго, полнаго своего раскрытія, должны обнажить предъ нами Природу во всѣхъ ея безчисленныхъ оттѣнкахъ? А если такъ; то какимъ образомъ народы, ознакомясь съ Науками, или съ законами Природы, не послѣдовали бы по ихъ указанію? — Но люди при всемъ томъ должны оставаться людьми; слѣдственно мы только не можемъ рѣшительно отвергнуть того, что и въ будущія времена народы могутъ подвергаться ошибкамъ, могутъ уклоняться отъ строгихъ требованій просвѣщеннаго ума, а слѣдственно они могутъ испытывать какъ физическія, такъ и нравственно-политическія болѣзни. Сіе потому кажется болѣе вѣроятнымъ, что Природа, безъ всякаго сомнѣнія, безусловно назначала добро для всѣхъ временъ народной жизни; нельзя и думать, чтобы она, по своимъ святымъ законамъ, предопредѣлила для однѣхъ эпохъ зло, а для другихъ одно добро. Если же прежнія эпохи жизни че-

ловѣчества показываютъ намъ счастіе народовъ сквозь мрачныя тучи ужасныхъ золъ; то можемъ ли мы совершенно отдалить отъ себя такую же прискорбную мысль и въ отношеніи къ будущему? — Впрочемъ, что было, того уже перемѣнить нельзя; а потому намъ остается только жалѣть о прошедшихъ бѣдствіяхъ и даже тѣхъ, которыя испытываетъ настоящій нашъ вѣкъ; относительно же будущаго не лучше ли намъ питать въ себѣ утѣшительныя и пріятныя надежды? Страхъ будущаго зла нечувствительно ожесточаетъ души, подавляя въ нихъ заключающіяся сокровенныя силы. Для чего же намъ страшиться того, чего мы не знаемъ? Для чего бояться намъ, такъ сказать, самихъ себя?

И такъ ввѣримъ послѣдующія столѣтія опытному благоразумію будущихъ поколѣній человѣчества! Съ симъ вмѣстѣ пожелаемъ со всею искренностію, полнотою нашихъ душъ, чтобы люди, общества и народы съ одной стороны неуклонно слѣдовали по направленію законовъ Природы, которые будутъ открываемы собственными ихъ, безпрерывно совершенствуемыми наблюденіями, сосредоточивающимися въ Наукахъ Политико-Дипломатическихъ, какъ въ священныхъ кодексахъ; съ другой стороны, чтобы они стремились къ осуществленію сихъ законовъ, какъ идей, со

всею возможною осторожностію и благоразуміемъ, подъ надзоромъ мудрыхъ Правительствъ! — Богъ не можетъ не любить своихъ твореній; Природа, образъ Его, хранитъ въ себѣ законы сей любви; сія-то любовь должна быть руководительницею во всѣхъ желаніяхъ, дѣйствіяхъ нераздѣльныхъ, обществъ и народовъ. — Подъ сими только условіями, согласіе и миръ, спокойствіе и благоденствіе воздвигнутъ свой престолъ на всѣмъ пространствѣ земнаго шара. Нѣтъ нужды намъ знать, какое мѣсто занимаетъ земля наша, какъ планета, среди безчисленныхъ небесныхъ тѣлъ. Человѣкъ обладаетъ разумомъ и свободою, — и этого довольно для увѣренія себя, что рано или поздо онъ долженъ пріобрѣсть всѣ достоинства, усвояемыя ему, какъ существу совершенно-нравственному, властелину своей планеты.

Теперь позвольте мнѣ, П. П., остановиться на нашемъ любезнѣйшемъ Отечествѣ! — Россія составляетъ одно изъ величайшихъ Государствъ земнаго шара. — Настоящее народонаселеніе оной, необозримое пространство, занимаемое ею, физическія силы природы и нравственныя силы народа раждаютъ къ ней чувства благоговѣйнаго удивленія. Одною рукою останавливая движенія Европы, другою потрясая, направляя движенія Азіи,

Россія представляетъ собою великое нравственное народное лицо. Даже отдаленная Америка видитъ къ себѣ указательный перстъ ея, — и никто не усомнится, что нынѣшняя эпоха ея жизни есть и навсегда пребуетъ достопамятнѣйшею, хотя бы суждено было земному шару еще существовать тысящелѣтія. При семъ не должны забыть мы, что физическія и нравственныя силы нашего Отечества еще не совсѣмъ развиты; земли, пользующіяся климатами почти всѣхъ степеней, не усвоили свою возможную производимость, богатство оныхъ еще во многомъ прозябаетъ въ нѣдрѣ; равно и просвѣщеніе, при всемъ быстромъ своемъ распространеніи, далеко отъ своего назначенія; народный характеръ, обладающій многими необыкновенными достоинствами, потрясаемый, образуемый жизнію народовъ, также не раскрылся въ полномъ своемъ величіи, во всѣхъ своихъ особенностяхъ. И такъ на какую блистательную чреду должно будетъ поступить наше Отечество, когда все сіе въ ономъ созрѣетъ, когда всѣ части его организма достигнутъ своего предназначеннаго совершенствованія? —

Дражайшій МОНАРХЪ нашъ, НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЬ! Тебѣ Провидѣніе, въ настоящее время жизни Россіи, вручило скипетръ управле-

нія судьбою сего могущественнаго колосса земнаго шара! Тебѣ назначило Оно возвысить славу сего обширнѣйшаго Царства и утвердить на прочномъ основаніи благосостояніе вѣрноподданныхъ! Твоя опытная мудрость, Твое примѣрное правосудіе, Твоя неупомимая попечительность, и, наконецъ, непоколебимая Твоя твердость, указуютъ Твоему народу самый вѣрный, безопасный путь къ достиженію важнѣйшихъ цѣлей человѣчества. Но, счастливя оный своимъ благотворнымъ царствованіемъ, Ты еще утверждаешъ несомнѣнную надежду его на долговременное благоденствіе въ Твоемъ любезнѣйшемъ СЫНѢ, ВЫСОКОМЪ НАСЛѢДНИКѢ, котораго и день тезоименитства, къ полному довершенію настоящаго торжества, нынѣ празднуемъ. Монархъ единственный! Прими нашу къ Тебѣ безусловную преданность, и съ оною прими неизмѣнныя чувства нашей безпредѣльной вѣрности! — Мы истощимъ всѣ свои усилія на то, чтобы оправдать Твое о насъ Отеческое попеченіе, чтобы въ лицѣ нераздѣльныхъ, въ лицѣ гражданъ, въ лицѣ народа содѣлать себя достойными предъ Тобою и чрезъ Тебя предъ самымъ потомствомъ и человѣчествомъ. —

